Чем больше люди имеют ума, тем больше они находят людей оригинальных.

Б. Паскаль

ТАКИМ МЫ ЕГО ЗАПОМНИЛИ

О НЕЗАБВЕННОМ ДРУГЕ МОЕМ, В. П. КОРОНКЕВИЧЕ

Эдуард Ипполитович ЕЛЬСКИЙ

Школьный друг-товарищ с военных лет,
директор ГИПРОНИИ, в настоящее время пенсионер

Бытовые заметки

В короткую летнюю ночь 6 июня 2009 года, примерно в четыре часа пополуночи, в палате больницы на ул. Пирогова, во сне, перестало биться изболевшееся сердце моего верного друга, одиноко и тихо ушедшего из жизни земной.

Оглушительно оборвалась связь взаимного общения, пути которой были крепки и надежны без малого семь десятилетий и особо существенно помогали проживать, во взаимном внимании, обеспокоенности и заботе, наступившие стариковские годы со всеми их издержками, из которых главной обозначилась обоюдная проблематика здоровья тела и, конечно же, духа.

Злодейке-судьбе было угодно распорядиться особо необычно и прервать жизнь друга в день его рождения, когда друзья – абоненты «мобилы» пытались дозвониться с поздравлениями и недоумевали, почему в телефоне не слышно столь знакомого и жданного ответного голоса именинника.

А он уже ушел, по той схеме, которую мы часто обсуждали, – «вдруг»! Так уходят из жизни, как правило, очень хорошие люди.

Нахлынувшие воспоминания о совместно прожитой жизни, ее отдельных знаковых событиях, истоках и первопричинных условиях становления и крепления верной дружбы, а также память о наших друзьях-товарищах меня подвигли. И я осмелился составить эти краткие записки в форме бытовой речи, имея перед собой простую задачу: написать искренне и правдиво, предвидя в читателях, в первую очередь, большую и славную семью Коронкевичей всех поколений, а также закадычных друзей Волика, которые еще живы, а далее всех, кому случится почитать.

1. Встреча. Место, время

Мое знакомство с Волей состоялось в сентябре 1942 года, когда он, бывший ученик 50-й Новосибирской школы, перешел на дальнейшую учебу в восьмой класс 41-й школы, что на улице 1905 года стоит и поныне. Вот так мы и оказались одноклассниками с молодых юных лет и друзьями до «стариков-разбойников», в узкий круг которых входили до конца дней своих: Юрий Александрович Кузнецов, Виталий Витальевич Скок, Воля и я. Второго мая 1988 года, на дне рождения Юры Кузнецова мы сфотографировались в 60 лет. Из четверых я остался один, и с кончиной Воли старость еще более бесцеремонно наступила на горло.

В октябре 1941 года, когда война предъявила свои суровые требования к далекому тылу, которым являлся наш славный город Новосибирск, начавший принимать тысячи эвакуированных жителей и сотни заводов, фабрик и прочих предприятий, наша минисемья (я и моя мама) переехала с улицы Октябрьской на новое место жительства в дом на ул. Бурлинская, 61.

Двухэтажный деревянный восьмиквартирный дом «Сибсантехмонтажа» стоял на углу ул. Челюскинцев и Бурлинской и соседствовал с подобным домом, известным в городе как «Дом писателей». Из знаковых жильцов того дома мы неоднократно виделись и раскланивались с писателем Вадимом Кожевниковым, поэтессой Елизаветой Стюарт и общались с будущей знаменитостью – актрисой театра и кино Инной Макаровой, нашей одногодкой. А на улице Обдорская, 35, что через два квартала от «Бурлинки», жила семья Коронкевичей,

в одноэтажном деревянном строении с высоким крыльцом, небольшим земельным участком, миниогородиком и верным псом в конуре, истово охранявшим хозяев. Принадлежал этот домик, если я не ошибаюсь, тресту «Главмука», в котором служил папа Воли, запомнившийся нам, приятелям его сына, как общительный, приветливый человек и большой шутник.

Казенное жилье состояло из двух крохотных комнат-спаленок, вход в которые шел из общей гостиной небольшой площади. Я как сейчас помню основные предметы убранства, но не это главное.

А главным для нас при каждом посещении была доброжелательная, дружеская, приветливая атмосфера семейного уклада и уюта, заботливо создаваемая усилиями замечательной мамы Воли – Анны Леонтьевны, обладавшей спокойным, мудрым и уравновешенным характером, которым мы до конца ее жизни всегда восхищались. Вот в такой благоприятной обстановке житейского уклада скромной, интеллигентной и образованной семьи, генеалогическое древо которой уходит корнями в западные области Белоруссии, вырос наш герой, впоследствии своими трудами большого ученого поднявший престиж славного рода Коронкевичей на уровень отечественной и зарубежной известности.

Дом на Обдорской и мой на Бурлинской располагались в то время в старейшей части городской застройки, примыкающей к привокзальной площади железнодорожного вокзала «НовосибирскГлавный». Центральным проспектом считалась идущая от вокзальной площади улица Челюскинцев, была она мощена булыжником, а вдоль нечетной стороны сверкали трамвайные пути, для □ 1 – в центр и □ 2 – на завод им. Чкалова. А поперек пересекали ее наши любимые, заменявшие нам дворы, улицы, начиная от Салтыкова-Щедрина до Обдорской и далее Советская, а уж после Красный проспект.

В этой четкой дореволюционной сетке застройки «гнездились» в основном деревянные жилые строения, представленные частными домиками, тесно прижавшимися друг к другу, с палисадниками, миниогородиками, с непременными воротами, с калиткой, ведущей в зеленый двор, и деревянным уличным тротуаром, дабы не увязнуть в грязи, ибо никаких покрытий других для пешеходов на улицах не существовало.

Летом невысокое, наезженное полотно грунтовой дороги отчаянно пылило, а зимой сколь снега ни выпадет, езда всегда поверху; глядишь – в конце зимы дорога вверху, а домишки вниз скатились и никакой тебе снегоуборочной техники. Вот такая, милая нам в молодые годы среда проживания и обитания нашего, в общении с живущими одним племенем друзьями-приятелями, школьными учителями, родственниками в домах соседних и просто многими хорошо знакомыми людьми, видимо, серьезно поспособствовали тому, чтобы из нас получились впоследствии человеки, понимающие и принимающие такое понятие как дружба.

Военное время застало нас в возрасте тринадцати–четырнадцати лет. Были мы до неприличия молоды, наивны и о многом неосведомлены, а поэтому жили, как правило, сиюминутными событиями и настроениями, отдавая предпочтение веселому времяпрепровождению, невзирая на полуголодный и тяжелый быт военного лихолетья. А эпицентром встреч и действий, естественно, являлся дом на Обдорской, 35, и Он в нем: «*Абориген Обдорских улиц, ведущим был в игрищах дивных, рассказчик уймы анекдотов, инициатор всех затей – он с юных лет “душа” друзей*».

Виды старого Новосибирска.

В военкомате, который размещался в одноэтажном беленом домишке в начале улицы Челюскинцев, на наши просьбы «отправить на фронт» четко говорили: «еще рано, когда надо – призовем». А для реализации подросткового энтузиазма поручали разносить повестки о призыве жителям Железнодорожного района. Простое, казалось бы, дело, но очень волнительное для передающего, а тем более для получателя судьбоносной повестки.

Вот так и доучивались мы в юношеские годы в родных пенатах, пока не разбросала нас судьба по просторам Родины, а затем вновь собрала на общее житейское поле. Разлука была единственная и называлась «Ленинградское дело», а ее продолжительность – с сорок пятого по пятьдесят девятый годы. Остальные десятилетия прожиты уже совместно в одном географическом пространстве, именуемом нынче не как-нибудь, а столицей Сибири. Особо этот термин привечает власть предержащая, вероятно, для самоутверждения личной значимости в державе Российской.

Об атмосфере, в которой учился, работал и существовал родной город Новосибирск, а для нас с Волей это было именно так, несмотря на фактическое появление на свет в городе Омске, откуда нас вывезли родители в раннем младенческом возрасте, написано и сказано много, точно и достоверно. Не мне, писаке слабому, что-то свое дополнять. Отмечу только одно общее положение.

В воспоминаниях о том военном времени мы с Волей всегда сходились в следующем: война не обрушила на нас все то страшное, что связано с боевыми действиями, мы не были под бомбами и стрельбой, и с этой стороны нашим жизням, благодаря Всевышнему, ничего не угрожало. В то же время судьба и жизнь наших жен подверглась более жестоким военным испытаниям. Рита (Маргарита Абрамовна, жена В.П.) в одночасье оказалась жительницей блокадного Ленинграда, а затем потеряла самого дорогого человека – маму. А моя жена Тамара подростком три года находилась на территории, оккупированной фашистами, фактически опекая младших сестру и брата, и пережила гибель отца, геройски погибшего в Севастополе.

Тяготы военного времени при отсутствии непосредственной смертельной опасности преодолевались нами, в силу самого прекрасного возраста, прямо скажем, довольно просто. А школьная среда и формирующиеся интересы привели нас в храм, о котором и пойдет речь в следующей главе.

2. «ОСЮТиН» на Нарымской

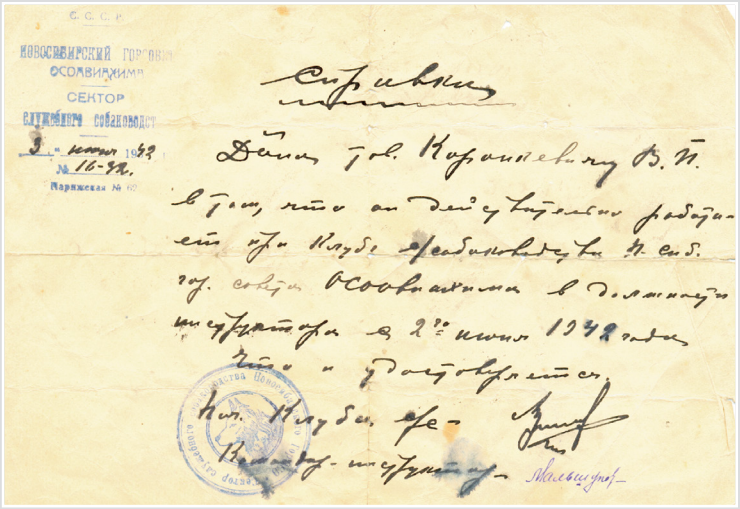
Еще до той поры, когда мой друг выпорхнул с пыльной улицы Обдорской транзитом через райцентр Черепаново в славный город Ленинград для обретения высшего образования, случилась с нами приятная оказия, вовремя подоспевшая для необходимой возрастной подпитки духовного развития во внешкольное время. Сейчас уже невозможно вспомнить, да и друзей не призовешь в свидетели, как мы в одночасье оказались юными техниками и натуралистами.

Дело в том, что в те времена на углу улиц Сибирская и Нарымская, напротив бывшего Андреевского училища, что с пожарной смотрительной башней стоит и поныне (в нем сейчас спортивная школа), через улицу Сибирская в зеленом тенистом саду стояло неказистое двухэтажное деревянное строение. Это была «Новосибирская областная станция юных техников и натуралистов», и здесь же размещалась «Областная кинофильмотека».

На двух этажах здания располагались помещения для кружковых занятий, лаборатории, комнаты натуралистов и небольшой, на 60–80 мест, кинозал со сценой, киноэкраном и кинобудкой для двух стационарных кинопроекторов. Директором этого «храма» для молодежи был замечательный человек, настоящий дореволюционный интеллигент и эрудит, член-корреспондент Академии педагогических наук Юрий Александрович Шаров.

Именно благодаря ему и его педагогическому дару и личному обаянию мы и были вовлечены в эти внешкольные занятия. Я и Юра Кузнецов с большим интересом посещали кружок киномехаников, который вел Александр Зосимович Левченко, где мы и получили по окончании курса права на показ кинофильмов на определенных классах кинопроекторов и «плавно» начали работать официально в упомянутой выше кинобудке.

А вдумчивый и более серьезный Волик выбрал кружок химии, в нем он устремился к «славе Менделеева», но одновременно, в силу природного интереса ко многому, часто сиживал у нас в будке и негласно допускался к управлению кинопроектором во время сеанса,



СССР
Новосибирский горсовет
ОСОАВИАХИМА
Сектор служебного собаководства
9 июня 1942
№ 16-32

Справка

Дана товарищу Коронкевичу В.П.
в том, что он действительно работает
при Клубе собаководства Н-сиб.
гор.совета Осоавиахима в должности
инструктора со 2-го июня 1942 года,
что и удостоверяется.

Нач. клуба с/с
Командир-инструктор

пока однажды нас не застукал Александр Зосимович и дал всем хороший нагоняй. Этот случай мы вспомнили, будучи уже очень взрослыми людьми, совместно с ним – старым учителем, педагогом и воспитателем Александром Зосимовичем, – после того как с большим трудом разыскали его координаты и встретились в уютной, сверхскромной квартире на проспекте Маркса. Александр Зосимович, несомненно, педагогом был серьезным, отлично знающим свой главный предмет – физику, а вместе с тем отменным воспитателем, который привил нам навыки серьезного отношения к порученным делам.

В химкружке Волик был не последний активист. К занятиям он относился весьма серьезно, время от времени ставил опыты, сопровождавшиеся извержением паров, газов и порченьем воздуха в кубатуре строения, за что подвергался дружеской обструкции прочих кружковцев, но в основном критика велась в дружеской, шутливой форме и с прибаутками, привести которые не могу по причине отдельных ненормативных рифмованных строк.

В хронике событий нашего творческого центра и общения в годы пребывания в нем было много интересного. Мы практически все свободное время проводили на «станции», а тем более, когда стали штатными киномеханиками и «крутили» по нескольку киносеансов в день – для школьников города и госпиталей.

Особенно вспоминаются «гастрольные выезды» в госпитали, которых в городе было превеликое множество. Главный, наш подшефный, находился в здании Горного института на ул. Фрунзе. В огромном зале перед началом сеанса нас ждали с нетерпением раненые. Госпиталь этот специализировался на человеческих конечностях и представлял собой место, наполненное аурой человеческих страданий и сломанных жизней. Но, несмотря на это, в киноаудитории далекого тылового госпиталя всегда царила крайне дружеская атмосфера ожидания любимого вида искусства – кино. Тем не менее, когда рвалась старая изношенная кинопленка, солдатики дружно кричали: «сапожники!», а иногда и оглушительно стучали костылями по железной будке, где в соответствии с пожарными правилами работали кинопроектор и киномеханик; правда, все это делалось со смехом и здоровым солдатским юмором.

Так случилось, что именно в этом замечательном «культдоме» мы познакомились, подружились и постоянно общались с будущими знаменитыми на весь СССР людьми. Один из них, в последующем известный сибирский композитор, а в последнем творческом служении руководитель хора им. Пятницкого – Валентин Левашов. Мне довелось слушать его превосходную игру на школьном рояле еще в довоенное время в школе □ 50, где мы оба учились в сороковом и сорок первом году (он был старше на три года). К нам на «станцию» он захаживал довольно часто, а впоследствии и вовсе зачастил, поскольку основным объектом его внимания оказалась Софа, наша буфетчица эффектной внешности, красоту которой дополняла блондинистость великолепной прически, что достигалось с помощью перекиси водорода. Заботливая Софа подкармливала нас, вечно зверски голодных, знаменитым ассорти (две ложки сметаны, горсточка американского яичного порошка и мизерный кусочек хлебушка), свободно размещавшимся на блюдце – подставке для горшка с цветами, которое

после поедания возвращалось на свое законное место. Вот так и случилось, что Валя и Софа в тяжелые годы войны встретились, как оказалось, навсегда, да так и жизнь прожили.

Я пишу эти малозначительные, но милые моему сердцу пустяки, потому что в непередаваемо тяжелое и голодное отрочество они были знаковыми отключениями от тяжелой действительности быта домашнего, хорошо запомнились и лишний раз показали, что для любви и дружбы всегда есть время и место, особенно когда в кругу друзей замечательные личности. Валентина Левашова в нашем сообществе и общении, вероятно, привлекала возможность регулярных встреч с будущим коллегой по композиторскому цеху – Зацепиным Александром Сергеевичем.

В те годы ныне известный и почитаемый композитор звался просто Сашей, был веселым, коммуникабельным, простым «закаменским» парнем с ул. Ленинградской, как говорили в то время – свой в доску парень! Я ясно помню «набеги» в его добротный уютный дом, во дворе которого Саша демонстрировал нам элементы акробатики, вызывающие восхищение и желание подражать. Теперь в многочисленных информациях о его жизни и творчестве упоминается его желание стать цирковым артистом. Не стал, зато композитор какой!

Итак, два больших таланта! Круг друзей, и они сами, конечно, тогда даже не подозревали о своих грядущих успехах и о том, что их взаимный интерес друг к другу, виртуозная игра и музыкальные шалости на стареньком рояле, что стоял на сцене кинозала перед экраном, в будущей творческой деятельности больших музыкантов выльются в создание целого ряда музыкальных произведений, особенно песенного жанра, которые будет распевать без преувеличения весь советский народ. В подтверждение этой мысли приведу факт поступления Саши Зацепина в НИВИТ, что впоследствии он оценил как ошибочное, а вскоре продолжать высшее образование отправился в Алма-Атинскую консерваторию, где, будучи еще студентом, написал музыку к кинофильму «Наш милый доктор», сольные партии в котором исполнял великолепный казахский баритон Ермек Серкебаев. Это и было началом кинотворческой деятельности молодого композитора, имя которого на слуху и у нынешних поколений россиян.

Огромную известность Зацепину принесли фильмы Гайдая и песенное творчество Пугачевой. Мы всегда с Волей следили за его творческими успехами, в кругу нашем постоянно звучали его песни, Юра Кузнецов при каждом посещении Москвы звонил или заходил к нему, и мы всегда были в курсе его жизненных взлетов и падений. Творчество его востребовано и по сей день, оно представляет собой шлягеры, которые можно услышать по радио или увидеть в исполнении современных звезд в многочисленных телепередачах, посвященных миру песни.

Кроме музыкального дарования, в молодые годы Саша выделялся среди нас своей отличной физической подготовкой, о чем уже говорилось, большим чувством юмора и артистическим даром перевоплощения.

Вы никогда не видели теневой силуэт человека, попавшего в луч проектора и спроецированный на экран движущегося изображения фильма, – это был коронный Сашин номер, а когда его взъерошенный силуэт повязывал бантик «несчастной» жене Иоганна Штрауса – Польди (кадр из кинофильма «Большой вальс»), это была такая умора, что мы от хохота буквально валились с кресел.

Водили мы крепкое знакомство и с Гришей Новаком. Старше нас, знаменитый и признанный спортсмен, он в те годы служил начальником физподготовки Дома Красной Армии, или, как все коротко говорили, ДКА (нынешний Дом офицеров). Мне помнится, что этот невысокого роста крепыш в неизменной солдатской гимнастерке всегда поддерживал нас в нехитрых развлечениях, был человеком с юмором и связующим звеном между «станцией» и Домом офицеров, куда мы постоянно бегали в кино и на танцульки! Спустя некоторое время Гриша получит золотую медаль на чемпионате мира по тяжелой атлетике, а поскольку до этого ни в каких видах спорта Советский Союз в соревнованиях такого уровня участия не принимал, то Григорий Новак войдет в историю как первый советский абсолютный чемпион мира.

В ДКА в это время блистал красавец-офицер, ловелас и сердцеед Стасик Чернаков, только-только надевший лейтенантские погоны, один из ранних школьных друзей юности Воли. Воля прекрасно знал всю его знаменитую, еще в Новониколаевске, фамилию, со многими представителями которой он тесно общался всегда. Знали и они Волю прекрасно, ценили все его таланты и всячески поддерживали с ним разнообразную связь, обменивались информацией о развитии и разрастании семейства и его достижениях, о чем Воля неоднократно рассказывал и мне.

Дружба со Станиславом Чернаковым, продолжавшаяся вплоть до кончины последнего, была ярким примером Волиной честности и верности до конца, несмотря на расхождения во взглядах на то, как нужно строить линию жизни. Непростой и одиозный человек, каким и прожил свою жизнь Стас, несмотря на сомнительные передряги и пагубные пристрастия, не был отлучен от руки настоящего друга. Именно к Воле, в самый тяжелый период своего конца, взывал о помощи этот школьный друг и был при этом неоднократно услышан и поддержан.

Вспоминая славную плеяду Чернаковых, уместно упомянуть и Юрия Петровича Тайченачева, связанного с ними родственными узами. Юрий Петрович, известный в городе архитектор, приятель и друг Воли, с которым они были знакомы со времен давних, состоял верным соратником по «третьей охоте» (сбор грибов – по В. Солоухину), а также бессменным водителем транспортного средства, которое требовалось для сбора и наполнения лукошка. Это была настоящая охотничья страсть, удовлетворение которой желанными плодами всегда горячо и восторженно обсуждалось с последующим общественным действом по помытию, готовке, жаренью или варению и засолке грибов. И в конечном счете, поеданию с соответствующим сопровождением «СКЖ» (свободно конвертируемой жидкости). Подробности охоты, образно рассказываемые Волей, всегда находили в нас отклик и исподволь скрытое желание стать ее участниками. Но, увы, транспортное средство не было безразмерным, а одолевающий некоторых «дальтонизм» напрочь отторгал от какой-либо результативности по сбору лесных даров.

На даче Ельских с семьей Коронкевичей и Юрием Петровичем Тайченачевым (Лето 2002 г.)

Юрий Петрович среди наших знакомцев по праву знаменит и как конструктор аэроплана, собранного в малометражной трехкомнатке, чем и прославился на всю Россию, и своими профессиональными достижениями в области архитектуры и строительства объектов промышленно-гражданского назначения. Талантливый зодчий, прекрасный рисовальщик, он много преуспел и в конструкторском деле, несмотря на отсутствие специального образования. Кроме всего прочего, он еще и основатель династии зодчих, труды его дочери и сына, востребованные в теории и практике современной архитектуры и градостроительства, с честью продолжают дело отца.

Возвращаясь к разговору о доме на Нарымской, хотелось бы напомнить об одном факте из седой старины. В начале 20 века, по рассказу моей мамы, на месте нашей «станции» зеленел и шумел естественной листвой городской парк под названием «Альгамбра». В раковине по вечерам играл военно-духовой оркестр, а на танцплацу кружились в вальсе офицеры с барышнями и гимназистками. Эта идиллическая картина ушла в далекое прошлое. Сегодня это место занимает шестиполосная магистраль улицы Нарымской, вдоль которой тянется

убогая застройка 60-х годов, а от парка-сквера не осталось и следа. С началом гражданской войны звуки танцевального оркестра в этом районе города сменились на оружейные залпы.

Не принято было в наше время молодое и крайне опасно говорить, а тем более живописать о жестоких боях между колчаковцами и отрядами Щетинкина, которые с переменным успехом бились насмерть на городских улицах. Бои были особенно сильны именно в этой части города, и моя мать, проживавшая в начале улицы Иркутской, вспоминала, как все улицы были завалены трупами. Из ее же воспоминаний известно триумфальное шествие по нашим улицам колонны эсеров, несших на руках от железнодорожного вокзала посетившую наш город главу эсерского движения Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую, которую все именовали «бабушкой русской революции» (февральской 17-го года). Этот приезд в Новониколаевск был связан с ее возвращением из Минусинской ссылки в Москву.

Естественно, что уже в 40-х годах 20-го века ничто не напоминало о трагических событиях гражданской войны. На месте нашей «станции» ныне гордо возвышается здание стоматологической поликлиники 6, а напротив недавно построен с большой претензией на архитектурный изыск элитный комплекс «Александровский сад».

3. «Ленинградское дело»

Отечественная война, невиданно жестокая и убийственная, шла к своему завершению, Красная армия решительно наступала, союзники наконец открыли второй фронт, в воздухе витало ощущение конца военных действий, школьному обучению приходил конец. Одноклассники один за другим начали растворяться в безвестности: эвакуированные возвращались, другие после восьми классов доучивались экстерном, одновременно работая, иных и след простыл. Еще ничего не предвещало крутого схода «химика» со своего кружкового увлечения, как внезапно на молодые повзрослевшие головы выпускников новосибирских школ обрушилась, как ныне модно говорить, пиар-компания эвакуированного в райцентр Черепаново из осажденного Ленинграда Института точной механики и оптики (ЛИТМО).

Ректорат, ученые и преподаватели этого элитного института такую рекламу развернули в сибирском захолустье, что каждый второй школьник-выпускник враз захотел стать и механиком, и оптиком. И тем более одновременно иметь верный шанс обучения именно в Ленинграде, в который возвращался эвакуированный институт после снятия исторической блокады. Поэтому недостатка в абитуриентах не было, хотя и конкурса я что-то не припоминаю. Немаловажную роль, по нашему глубокому убеждению, играло желание «рвануть» не в местный, а столичный вуз, да еще в славный город, за судьбу которого весь народ тыловой переживал все дни его блокады.

Ежедневно общаясь с эвакуированными ленинградцами, которые работали на перемещенных в город заводах и фабриках, в различных культурно-просветительных учреждениях, обучаясь у столичных школьных учителей и сидя за партой со вчерашними ленинградскими школьниками, мы все больше интуитивно понимали, чувствовали и принимали как должное их превосходство во многих сферах жизненного бытия, просвещенности, информированности, духовности и неведомой нам культуры поведения. Ну и как здесь можно было удержаться и не подать документы на поступление в престижный западный вуз, даже не имея толком представления о сути и смысле будущей профессии – как механика, так и оптика.

Но вышло так, что только Воля и Женя Домбровский (остальных не помню) обрели студенческий статус ЛИТМО, уехали на учебу в Питер, успешно проучились в нем и с полученной профессией и квалификацией никогда не расставались и во все долгие годы трудового стажа были беззаветно верны выбранному делу.

Мне четко помнится обстановка той радостной и волнительной суматохи при сборе отъезжающего студента, которой наполнилось жилище на Обдорской, и два громадных фанерных ящика: один с вещами, другой с пищей. Воля был первым, кто покидал малую родину, а мы втайне ему завидовали, но по-белому, огорчала только разлука.

Что же касается Вашего покорного слуги, то, успешно сдав в ЛИТМО вступительные экзамены в июле 1944 г., по ряду объективных житейских обстоятельств, которые здесь опускаются, был вынужден сделать «кульбит», еле вытребовал из приемной комиссии школьный аттестат обратно, обучился неожиданной для себя инженерной профессии, диаметрально отличной от механика или оптика. Но это другая история.

В студенческие годы, из-за территориальной отдаленности и недоступности связи по причине наличия отсутствия средств на «межгород», а также нелюбви к эпистолярному жанру, общались мы с Воликом мало. Но через друзей, знакомых, приятелей, родственников и случайные оказии мы были информированы друг о друге, а во времена наезда Воли в дом родительский непременно встречались в нашем тесном дружеском сообществе. Шло время, студенты истово грызли гранит науки и, наконец, выпал счастливый случай. Мобилизовав повышенную стипендию на путешествие далекое, поехал я впервые в жизни за пределы Сибири.

4. Осенний визит 48-го

На календаре сменялись дни теплого сибирского лета 1948 года, когда в августе два слушателя НИВИТа (Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта), почистив кителя и надраив медные пуговицы, по взаимному сговору, реализуя бесплатные ж.д. билеты, отправились на каникулы в знаменитый и невиданный доселе город Ленинград. Побудительным мотивом выбора конечной точки путешествия стало большое желание моего товарища, однокурсника по институту Игоря Желнина, посетить свою родную сестру, которая в описываемое время училась в ЛИКИ (Ленинградский институт киноинженеров), а для меня долгожданная очная явка к другу Воле, «забракованному» в эту годину и этапированному в персональную комнату-коммуналку на постоянный кошт и проживание взамен студенческой общаги коренной ленинградкой Ритой, о которой сибирская диаспора друзей абсолютно никаких сведений не имела. Факт раннего бракосочетания требовал визуального подтверждения и дружеского заключения о предмете обожания, который увел в голубые дали реки Фонтанки одинокого на чужбине сибирского юношу. Это про них: «Чижик-пыжик, где ты был, на Фонтанке водку пил» и т. д.

Состоявшееся знакомство с Ритой, какая-то ее особая приветливость и простота в общении вмиг произвели очень приятное впечатление. Это первое, а затем постоянное мнение, предвосхитило значительно более поздний афоризм из Гайдая: «Комсомолка, спортсменка и просто красавица». Но встреча была еще впереди.

Итак, ранним утром, по-моему, не было еще четырех часов, сумерки северной широты быстро расходились, светало, и два провинциальных студента, осилившие к тому времени третий курс, вышли из вагона ночного поезда Москва–Ленинград и, протопав по перрону Московского вокзала, оказались на привокзальной площади, на которой в этот час решительно не было никакого общественного транспорта, как, впрочем, и пешеходов, еще спавших в своих теплых столичных постелях. Почесав в затылке, мы впервые в жизни увидели автотакси, парк которых состоял из трофейных легковушек, в основном, фирмы «БМВ», с ценой проезда для нас явно непомерной. В связи с чем приняли единственное посильное решение двигать к намеченным адресатам своим ходом, совершенно не имея представления о протяженности маршрута: пункт А – Московский вокзал и пункт Б – Фонтанка, 53 – адрес Вики, и Фонтанка, 153 – адрес Воли и Риты. Но эмоции били ключом от представшего взору града Питера, восхитившего невиданными для сибирской провинции зданиями, дворцами, улицами, площадями, магазинными витринами и абсолютно пустынного в этот ранний час, во всем его великолепии, его величества Невского проспекта.

Я и сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, отчетливо помню тот прилив сил, который подхватил нас на оказавшемся весьма длинным пешедрале, преодолеть который не составило большого труда, и мы, волоча стандартные советские чемоданы, бодро зашагали по умытому асфальту Невского.

Дойдя до Аничкова моста и полюбовавшись на знаменитых коней, ошибочно повернули вправо в сторону цирка, с огромной афишей Бориса Эрдмана, знаменитого укротителя и дрессировщика. Спохватились довольно быстро и по нечетной стороне Фонтанки, мимо Юсуповского дворца двинули к номеру 53, где и находилась обитель Игоревой сестры Вики.

Время все еще было раннее, и вахтерша общаги сначала никак не хотела нас пускать в «апартаменты» студенческие. В конце концов, мы просочились к заветной двери, из-за которой на стук откликнулся вопросом сонный женский голос, и через мгновение оказались в крохотном «пенале», где до нашего прихода мирно почивала Вика с молодым мужем, выпускником знаменитой Дзержинки, начищенный китель которого, а особенно кортик, были самыми яркими украшениями комнаты.

Еще несколько суматошных телодвижений, возгласов, охов и ахов, и мы с Игорем оказываемся на полу, на невесть откуда взявшемся матрасе, где нам приказано досыпать, не обращая внимания на ранний подъем и уход на службу и учебу самих постояльцев «пенала». С этой задачей мы успешно справились, а проснувшись где-то в середине дня, подхватились в дальнейший путь на Фонтанку, 153. Наивные провинциалы посчитали, что разница в сто номеров, по пятьдесят по каждой из сторон, не так уж и велика, чтобы искать какой-то городской транспорт. Не тут-то было, это вам не провинциальный Новосибирск с деревянными домиками, а град столичный, а посему тащились мы довольно долго, но вот пришли-притопали.

Знаменитый Египетский мост без речного пролета, который в 1905 году стал жертвой резонанса, как утверждают во всех учебниках по физике, четыре сфинкса по концам устоев на обе стороны, уходящий вправо Лермонтовский проспект и типичный, на высоком цоколе, двухэтажный ленинградский дом, построенный бог весть когда и кем и повидавший многое на своем веку. Двор-колодец, лестница на второй этаж без перил, повсюду дровишки для кухонных плит, все отбито, обшарпано, но жить можно. Это и становится явным, войдя в квартиру.

Я как сейчас ясно помню входную дверь, которую открыл Воля на наш стук и его обрадованное и приветливое лицо, с которым он нас встретил, а затем провел мимо комнат соседей в свою коммуналку. До войны вся квартира принадлежала Ритиным родителям, но я дальше не касаюсь истории квартирного вопроса. Об этом подробно и интересно рассказано в книге Ритиной старшей сестры Регины.

По счастливой случайности у Волика весь сентябрь были студенческие каникулы, домой в Сибирь он не поехал и поэтому решительно взялся за роль экскурсовода по Петрову граду и его окрестностям. Я не буду перечислять все памятные и непамятные места наших ежедневных экскурсов, но только отмечу следующее. Многие годы периодически по разным поводам, в основном связанным с рабочими командировками, я посещал северную столицу, но столь обширного, объемного и познавательного, буквально профессионального, экскурса, давшего представление о городе, чем в первый приезд, я больше никогда и ни от кого не получал. Воля всегда был лучшим моим гидом – не только по Ленинграду, но если взять итогово, то и по многим линиям пути житейского.

Быстро и замечательно интересно пролетели считанные дни каникул, пора было возвращаться домой, оставляя друга еще на долгие годы в Питере. Но у всех свои проблемы, дела, события, обязанности, и вот мы в один прекрасный день вновь на Московском вокзале.

Здесь место рассказать о том, что в те славные молодые дни мы были большие шутники и, как нам казалось, отменные остроумцы. На железнодорожных вокзалах страны советской в те первые послевоенные годы было правило взвешивать ручную кладь пассажиров перед посадкой в вагон, для чего при входе на перрон, рядом с проходом, всюду стояли большие неуклюжие напольные весы. И вот трое юмористов, подойдя к входу на перрон, разыгрывают мизансцену. Я беру оба чемодана, свой и Игоря, а чемоданы у нас довоенные, несуразно большие, в чехлах из холстины с пуговицами типа кальсонных, которыми надежно защищена потертая фибра. Лежит в них по галстуку, сорочке, носки и мал-мало всякой легкой дребедени. Состроив каменную гримасу бедняги Сизифа, на полусогнутых, тащу и ставлю кладь на весы. Общий вес 8 кг, весовщица в недоумении начинает дергать рычаги весов, но они неизменно показывают этот минимум. Наконец она хватает один из чемоданов, как пушинку, понимает, что мой «подход» к снаряду – «хохма» и весело смеется вместе с нами.

Еще из трагикомического: расписание пользования электроплиткой на коммунальной кухне; висячий замок на ванной комнате и картина печали в отдаленном уголке Александро-Невской лавры. Среди старых мраморных надгробий купцам разных гильдий страшно запущенная могила с металлической решеткой, памятник – пирамидка с красноармейской звездой, на ней хомутом надето проржавевшее «корыто» из кровельного железа и надгробная эпитафия: «Начальнику тяги Октябрьской железной дороги от артели “Ленпогруз № 3”». Ну, как было не вспомнить великих Ильфа и Петрова, которыми мы подпольно зачитывались в то время. За покойного коллегу по ж. д. стало обидно и грустно.

Вот так коротко о первой в жизни поездке в славный город Ленинград, в котором впоследствии работало много моих однокурсников по институту, первых строителей городского

метро. Мог и я быть в их числе, но по молодому недомыслию не оказался, о чем эпизодически вспоминал при встречах с ленинградцами-сибиряками, но это уже другой рассказ.

5. Возвращение

Примерно лет через десять после вышеописанного визита в той же комнате на Фонтанке зашел разговор о возможном переезде семейства Коронкевичей в Сибирь. Семья к тому времени пополнилась двумя сыновьями, остро стоял квартирный вопрос и иные житейские проблемы. Я, конечно, был рад предполагавшемуся переезду.

Так и случилось, и через некоторое время сначала приехал Воля, а в канун нового 1961 г., а именно 31 декабря, на площади Калинина в квартире Бориса Быховского мы встречали Риту и новогодний праздник. Были мы молоды, здоровы, веселы, и вся новогодняя компания с нетерпением ждала завершения добровольного переезда семейства на место постоянного сибирского жительства. Это долгожданное событие одновременно кардинально решало ликвидацию территориальной разобщенности с друзьями, и «Ленинградское дело» практически было закрыто.

Прошел год, и 1962-й был встречен в клубе «Под интегралом», который к тому времени был известен и популярен среди жителей города и особенно Академгородка как первый знаковый центр культуры научной элиты, во главе которой стояли мировой известности академики – основатели СО АН. На этой встрече Коронкевичам и Ельским выпала честь «почокаться» бокалами шампанского с самим М. А. Лаврентьевым, который лично приветствовал каждого из собравшихся.

И пошли трудовые будни научной деятельности нашего друга, продолжавшиеся многие десятилетия с редкими перерывами на явно необходимый и полагающийся отдых, который он либо игнорировал, либо сокращал до минимума, и даже пошатнувшееся в последние годы здоровье не подвигло его к изменению принятого ритма жизни и рабочего настроя.

Получив прекрасное образование в знаменитом ЛИТМО, еще будучи студентом старших курсов, он проявил недюжинный интерес к научно-исследовательской работе и инициативно приступил к его реализации, в кратчайшие сроки после окончания вуза поступив в аспирантуру с последующей блестящей защитой кандидатской диссертации.

Его многогранная и плодотворная инженерная и научная деятельность, умение отдавать себя до конца, добиваясь необходимого результата, в среде соратников по инженерному делу и научным исследованиям всегда вызывала чувство уважения и, как правило, поддержку. Конечно, эти виды человеческой деятельности – далеко не асфальтовое шоссе.

Всякое бывало: и дискуссии, и спор жесточайший, но друг имел такие человеческие качества, которые не позволяли оппонентам переходить грань дозволенного ни в тяжбах, ни в оспаривании. На него нельзя было обижаться, даже когда имелось полное несогласие. Он был большой мастер по ликвидации и не муссированию конфликтной ситуации. Разум, факт, знание вопроса были его главными доводами в диспуте. За это его и любили все. Простой в общении, ни капли зазнайства и какого-либо превосходства, умеющий слушать собеседника, поставщик интересной и нужной информации, без утайки сообщающий ее, как правило, в оригинальной и, безусловно, достоверной форме, готовый всегда подставить плечо нуждающемуся в поддержке, обладатель широких знаний не только в сфере научной деятельности, но и в более широком диапазоне, человек глубоко интеллигентный, остроумец и знаток, почитатель настоящего яркого юмора – таким Воля запомнился всем, кто его хорошо знал.

Но вернемся к некоей хронологии событий после окончания ЛИТМО. Работа на заводе им. Ленина в Новосибирске, куда был направлен молодой специалист, в короткий срок подтвердила его хорошие знания, умение работать результативно, взаимодействовать успешно с коллективом как инженерным, так и рабочим классом, что было вскоре отмечено администрацией завода, и «младоспец» стремительно начал подниматься по карьерной лестнице.

Но существовала одна серьезная проблема. Жизнь на два дома. Один на Обдорской, где ему комфортно у мамы и в семье сестры, а другой на Фонтанке, где жена с сыновьями ждут не дождутся мужа и отца.

Но тут история делает знаковый ход, подвертывается ленинградская аспирантура, в которую он и поступает. Семья воссоединилась на годы учебы, а будущее поле деятельности,

С друзьями и крабами
у Краснопольских (1 мая 1975 г.).

В.П.К. с сыновьями и семьей
автора.

в виде Института мер и измерительных приборов Госстандарта СССР, вновь оказывается на малой Родине. И снова зигзаг, на два дома житье, до сроков «схождения» Маргариты на мерзлую сибирскую почву окончательно, как указывалось выше. Вот такая жизненная «загогулина» (по Б. Н. Ельцину).

Последовавшее вскоре приглашение на работу в Институт автоматики и электрометрии СО АН СССР оказалось судьбоносным, и именно этот бурно развивающийся научный центр стал для Волика главной по жизни площадкой деятельности, где по-настоящему раскрылся его талант исследователя, четко сформировались научные интересы и были реально и результативно востребованы его выдающиеся способности большого ученого. Пятьдесят три года он отдал служению этому коллективу, который с глубокой скорбью проводил его в последний путь.

Одновременно с начатой научной деятельностью Воли и Риты (в Институте гидродинамики СО АН) пошла, покатила знаменательная пора – освоения новоиспеченными переселенцами просторов строящегося в те годы Академгородка, ныне одного из районов города – мегаполиса «Нью-Сибирска». Активно были задействованы обследование и изучение близлежащих окрестностей, которые посещались и осматривались при каждом удобном случае ватагой дружеской, с резвостью молодости вырвавшейся на волю из городской среды.

Особую и неподдельную радость для переселенцев и их друзей вызвало окончательное решение «квартирного вопроса». Удобная, большая благоустроенная квартира на улице Правды навсегда стала местом знаковым и особо посещаемым в любое время года и по любым поводам. Двери ее были широко распахнуты для многих, а запорных механизмов на них практически не имелось.

Эта «сладкая парочка» безвозвратных мигрантов с двумя замечательными мальчишками в короткий срок обзавелась тесным кругом знакомых, товарищей и коллег по работе и сумела легко и ненавязчиво войти в число людей, общение с которыми доставляло радость и наслаждение благодаря искреннему гостеприимству и радушию. Будучи свежими «выходцами» из атмосферы северной столицы, проживание в которой исподволь формирует многое, что отличает столичного жителя от провинциала, они по праву оказались в эпицентре взаимного общения вновь обретенных друзей. Вокруг славного семейства сформировалось два сообщества по территориальному признаку. Одно в Академгородке, другое – из друзей, проживающих в городе.

К формированию последнего приложил усилия и я, поскольку всегда считал за честь познакомить своих сибирских друзей с близким другом юности, человеком во всех отношениях интересным и значимым. В последующем оба сообщества перезнакомились, подружились индивидуально и семьями, контакты становились все более тесными, а общие интересы еще крепче сплачивали обретенных отныне друзей-товарищей.

Шли годы, мы всегда имели информацию о взаимном состоянии всех дел, интересов и забот всяческих, а в последние годы – ежедневного самочувствия.

Поколение наших сверстников отличает от иных то, что в молодые годы мы были свидетелями репрессий и геноцида собственного народа, которыми с упоением мизантропа занимался «вождь всех народов и времен».

У многих из нас были арестованы или близкие, в основном отцы, либо кто-то из родственников, знакомых, друзей. Это бессмысленное истребление всех сословий и национальностей, постоянное чувство настоящего страха перед не останавливающейся машиной истребления навсегда запомнилось нам. В разговорах с Волей о том времени я вспоминал, как убили моего отца, а Воля рассказывал мне о том, что Петр Иосифович Гарбусвин, его отец, чудом спасся от ареста. И поэтому он, его сын, вынужден был взять фамилию Коронкевич (по фамилии мамы Анны Леонтьевны).

Тирания вождя, развязанная против всех и вся, обезглавила миллионы семей, к тому же в то время такое понятие, как семья, не было приоритетом и заботой великой партии.

Повзрослев, мы оказались в малочисленных семьях, в отличие от поколения наших родителей, и поэтому для каждого из нас стали надежной опорой и защитой от невзгод и проблем дружеские отношения с людьми хорошими.

Академовская квартира Воли и Риты со временем превратилась в постоянное место сбора друзей по различным поводам: праздники государственные, дни рождения, встречи Нового года, другие события отмечались в доме «академиков» особенно весело и задорно. Предварительная подготовка к ним иногда занимала значительное время, но порция «бальзама души», получаемая в ходе сборища, того стоила...

Ю.П. Тайченачев и В.П.К.
на берегу Обского моря

Квартира на улице Правды стала стартовой площадкой для всевозможных летних и зимних вылазок на природу, и грех было не воспользоваться случаем побродить по этой пересеченке, густо усеянной хвойным лесом, березовыми рощицами, преодолевая на увалах спуски и подъемы. Летом жглись костры, обшаривались поляны в поисках грибов или ягод, там же устраивались всякие игры: волейбол, бадминтон, лапта и т. д. Зимой – походы, а это в основном лыжи, а иногда и санки, несущиеся в крутой овраг и сбрасывающие тебя в белоснежный пушистый сугроб.

Долгие годы верой и правдой отменно служили эти виды досуга, доставляя друзьям дома и хозяевам «базы» часы удовольствия и подпитки адреналином, столь требующиеся при проживании в обстановке серых городских строений и смога. Среди обширных обзоров дел текущих, звучавших в доме, находилось место для воспоминаний о днях минувших.

6. Далекое

Раннее довоенное время, самое начало тридцатых, детские садики для детей совслужащих, в садике хорошо, весело. Играет на баяне известный на весь город слепой баянист Иван Иванович Маланин, которого приводила в садик красивая девочка с длиннющей косой – его дочь. Мама говорила, что Иван Иванович до революции (тогда все сверялось «до и после») играл на Центральном базаре, где ему кидали монетки в железную кружку, и что никакой он не инвалид войны, а человек слепой от рождения. Играл он на самом деле замечательно не только для детей, был любимцем сибиряков всех возрастов.

Дошкольное воспитание, одновременно с безобидными играми и развлечениями, было идеологически выдержано, дети должны знать о грозящей стране угрозе со стороны буржуинов всяких мастей, а поэтому регулярно организовывалась игра в войну.

Разрабатывался сценарий, изготовлялись деревянные ружья, покрашенные в зеленый цвет, выкраивались и склеивались из бумаги буденновские шлемы с наклеенными пятиконечными лиловыми звездами. Сохранилась фотография, на которой запечатлены шестеро «бойцов», преклонивших одно колено и направивших со всей решительностью дула ружейные прямо на врага, т. е. в объектив фотографа. На первом плане расположился оружейный расчет в лице девчушки, стоящей на коленках анфас к «врагу» и управляющей «орудием», составленным из бумажных цилиндров, наподобие известной городошной фигуры «Пушка», отвернутой от цели по какому-то странному обстоятельству ровно на 90°. Вот такой серьезной заявкой – иллюстрацией детей, готовых выступить на защиту Родины от коварного врага под всеобщим по тем временам лозунгом: «Если завтра война, если завтра в поход, если темная сила нагрянет...», запечатлена «грозная» готовность с детских лет уберечь, защитить любимое отечество. Никому по тем временам не было ведано, что пройдет всего несколько лет, наступит день «Х», для многострадального народа начнется настоящая жестокая, кровавая битва с фашизмом. При этом декларируемая шапкозакидательская боеготовность Красной Армии, почти обезглавленной в канун войны репрессиями против самых видных героев-военачальников и полководцев гражданской войны, не только уже с первых дней подтвердит неспособность не то что пяди не отдать, а окажется на поверку идеологическим мифом, о чем нынче свидетельствуют многочисленные исторические документы. Особо угрюмо и серьезно смотрит в объектив наш общий старинный друг и приятель Юрий Константинович Николаев, впоследствии мой соратник по «НИВИТу», а Волин сослуживец по Институту метрологии. Отслужив свой армейский срок в желдорвойсках, отработав в Институте мер и измерительных приборов, защитив кандидатскую, он многие годы преподавал и заведовал одной из кафедр Института водного транспорта. Обладая прекрасной детской памятью, при каждой нашей встрече неизменно вспоминал об очередном эпизоде из детсадовской жизни.

На страну Советов обрушилось большое горе. 1 декабря 1934 г. был злодейски убит Сергей Миронович Киров, который у детей нашего поколения был героем знаменитой книги «Мальчик из Уржума». И вот Юра вспоминал: «А помнишь, как ты был у нас убитый товарищ Киров, мы тебя пытались нести на плечах, а ты сопротивлялся и кричал: «Неправда, ребята, я не убитый, я живой!». Вот такие игры, такие детсадовские коллизии, такие «патриотические» душевные нагрузки на не окрепших духом мальцов.

Детсад, о котором идет речь, размещался на третьем этаже здания Госбанка, оно и ныне один из главных акцентов застройки площади Ленина, а тогда Базарной. Все окна выходили на площадь, а лицезрение из них запечатлело навсегда картинку асфальтирования площади.

Для этой цели были установлены огромные котлы, в которых варили асфальт, поджигая костер из дров, а поутру, когда нас мамы вели в детсад, из опорожненных накануне огромных чугунных чанов выглядывали перемазанные физиономии беспризорников, которым остаточное тепло толстого металла позволило «комфортно» провести холодную ночь.

Одним из запомнившихся ярких и радостных впечатлений было зрелище невиданного доселе железного коня – первого новосибирского трамвая, который с грохотом и лязгом бодро прокатил по площади, где перед этим рабочие уложили железный путь. Подтащив к окнам всю мебель, на которую можно было встать, мы прильнули к стеклам так плотно, что воспитателям долго пришлось нас возвращать в игровую комнату, где все сразу начали изображать, как могли, движущееся транспортное чудо. Мы все враз захотели стать трамвайными водителями или пассажирами, а подслушанные впоследствии рассказы родителей и взрослых о случаях наезда и нелепой гибели пешеходов вселяли в нас тихий детский ужас, но нисколько не умаляли желания поездить на загадочном моторизованном транспорте. Это вам не обыденная поездка на лошадке, что было рядовым событием. Это малыш следующих поколений, прогуливаясь с мамой по городу, громко воскликнет: «Мама, мама, посмотри, настоящая живая лошадь!» Тогда все было наоборот, лошадей полно, а трамвай – один.

Первая половина тридцатых годов прошлого столетия и по сей день видится как время наивных детских впечатлений, безмятежных дней и существования, весьма скромного быта родителей – советских служащих, обладателей коммунального жилья со всеми удобствами во дворе; явным не то чтобы голодом, но недоеданием и редким случаем укуса белой булочки или неизвестно откуда взявшейся конфеты. Также просты и незатейливы были окружавшие предметы быта, в том числе одежда, обувь и т. д. Но жить было весело, радостно, как всем детям-несмышленышам, не думающим о перипетиях жизни будущей и смотрящим на окружающую действительность широко открытыми доверчивыми глазами.

В числе забав были простейшие детские игры и развлечения. Считалось одним из интереснейших занятий катание железного обруча от бочки, управляемого специальным крючком – каталкой, и выделывание во время гоняния всевозможных виражей и поворотов. Из коллективных игр в почете была лапта, чижик-пыжик, бабки, простейшие городки, скакалки, догонялки. В домашней обстановке все было более чинно и серьезно: жмурки, фантики, позже флирт, лото, домино и т. д. Не помню, чтобы в раннем детстве мы играли в карты, несмотря на то, что в редкие дни отдыха (а был всего один день – седьмой нерабочий) и именно ввечеру и по ночам собирались у нас в доме папа с братьями мамы: Сашей, Вениамином, Борисом и другими, заполночь азартно резались в преферанс по маленькой. В начальный период расписывания пульки я еще не спал, обслуживал игроков, разнося чай, папироски (старший брат мамы дядя Саша курил элитный «Казбек») и легкую закуску. К сожалению, не шедший дальше этого «игровой опыт» не сделал из меня преферансиста, в отличие от наших с Волей некоторых друзей, прекрасно освоивших это интересное и полезное для умственного развития и времяпрепровождения игровое пространство. Наиболее опытным преферансистом в нашем окружении слыли господа артисты и незабвенной памяти трагически рано и внезапно ушедший из жизни Олег (Олешка) Голубенко, почти профессионал, в студенческие годы пополнявший личный бюджет за счет этой замечательной игры, в том числе и в Сочи, вопреки знанию его жителями, что лежит в прикупе («знал бы прикуп, жил бы в Сочи»)...

В то светлое время детства и школьных лет линия жизни выпрямлялась как стрела, изобиловала интересом, вбирая в себя все непознанное. Системы и органы жизнеобеспечения функционировали и развивались нормально, не огорчая сбоями и медзаботой о них. В этот славный период жизни сформировалось увлечение физкультурой и спортом, на всю жизнь ставшее постоянной потребностью тела и духа. Футбол и игровые виды занимали первое место, в то время как футбольным полем была очередная пыльная улица – дорога, ворота помечены кирпичом, вся ватага босая, а азарта и беззаветного отстаивания чести своей улицы – превеликое количество. Вдрызг разорванные штанины, синяки и шишки, полученные в славной борьбе, лишь подогревали готовность к дальнейшим судьбоносным матчам. Из наивных околоспортивных занятий хорошо помнится одна из школьных перемен. Есть необходимость размяться. Для этого в проходе между партами (а где же еще, в коридоре нельзя) играем в чехарду – езду. Я больше чем уверен, что большинство сегодняшней молодежи и понятия не имеет об игре с таким названием.

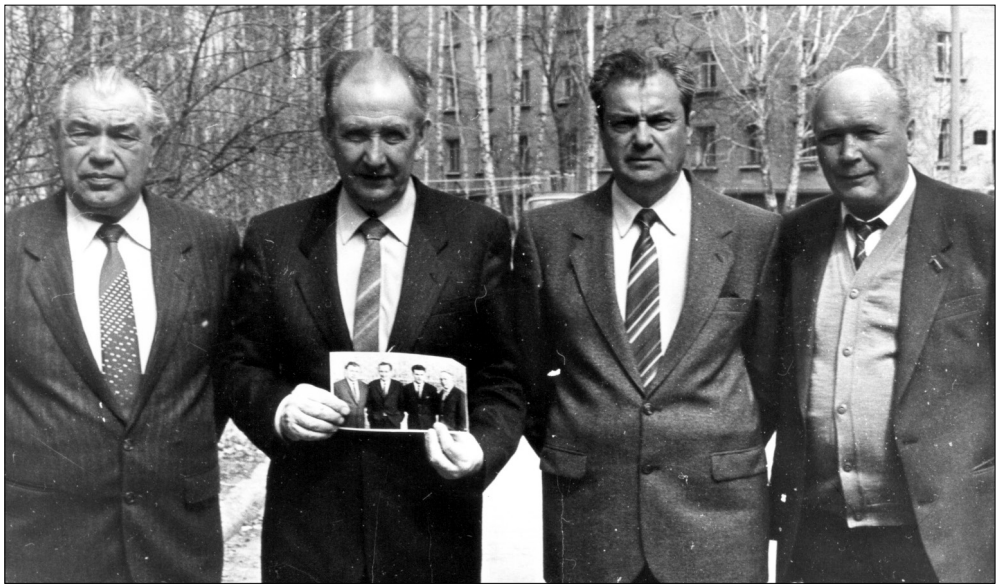
Согнувшись напополам в поясе, игроки команды (3–5 чел.) обхватывают впереди стоящего, смыкая руки кольцом, тем самым создавая из спин площадку, на которую с разбега (как через гимнастического козла) один за другим запрыгивают игроки второй команды, вцепляясь в то, что под ними шевелится и трясется. Задача верхних удержаться и не упасть. Затем этот «тяни-толкай» должен развернуться и донести верхних до оговоренной черты финиша. Если хоть один «наездник» свалится, команды меняются местами. Сами понимаете, что шум, крик, гам, смех до слез – главное сопровождение этого игрового веселья.

И вот Воля, однажды запрыгивая на «тяни-толкай» первым, придал прыжку такое ускорение, что, пролетев все спины, врезался лбом в стенку класса, откуда вылетел от удара солидный кусок штукатурки, а на лоб бойца наплыла огромная шишка. Но всем было очень смешно, в том числе и ему, все-таки он был один из самых «юморных» учеников, вместе с автором этих строк, которых время от времени учителя утихомиривали всем арсеналом средств, находившихся в их распоряжении: от выставления из класса до вызова родителей в школу.

7. Физкультпривет

Дворовые игры и школьная физкультура не выковали из нас спортсменов или даже серьезных физкультурников, дальше значка «ГТО» дело не пошло. В то же время каким-то непосредственным образом в нас внедрилось увлечение всем, что связано со спортом, а затем превратилось в потребность, удовлетворение которой являлось одним из приятных и занимательных во всех отношениях занятий. Обучаясь в институтах, поигрывали в волейбол, баскетбол, где-то бегали, куда-то прыгали, висели на брусьях и перекладине и вообще всесторонне разминали молодое тело, и, может, именно эти спонтанные и не системные, но многочисленные телодвижения внесли свою лепту в работу организма, тянущего свою лямку более восьми десятков лет. Но кроме собственных занятий физкультурой, самые яркие впечатления оставались от спортивных зрелищ и потихоньку-помаленьку вызревали болельщики, но не оголтелые сегодняшние фанаты. Воля спортсменом не был, но человеком, увлеченным спортом, безусловно. Среди спортивных игр он отдавал предпочтение в первую очередь футболу, игре, в которой разбирался умно, тонко, знал многих именитых игроков и их возможности; без усилий просчитывал тактические ходы на игровом поле. Болел за «Зенит», но был объективен в оценке исхода футбольной баталии, не идя на поводу мнений спортивных комментаторов и журналистов.

Второй и не уступающей первой по интересу и вниманию была замечательная игра в хоккей с шайбой, которая на наших глазах задвинула на второй план русский хоккей с мячом. В далеком начале пятидесятых на открытой небесам и ветру хоккейной коробке стадиона



Четыре друга: Ю. А. Кузнецов, В. П. Коронкевич, Э. И. Ельский и В. В. Скок, май 1988 г.

«Спартак» мы оказались зрителями исторической игры команды Всеволода Боброва. Невиданные доселе в сибирской глубинке мастера новой разновидности – хоккея с шайбой, имевшие к тому времени союзную и мировую известность, навсегда вселили болельщицкий азарт к этой великолепной игре. В память запало даже то, что мастера играли в танкистских шлемах на голове, никаких касок не существовало, а с поля постоянно лопатами убирался обильный снег, осложнявший игру. Еще хочу заметить, что к нашему восторженному восприятию этой игры никак не относится бытующий ныне порядок укомплектования команд легионерами, а проще наемниками, а также рыночные псевдоспортивные порядки, которые привели к бегству талантливых игроков за бугор, что серьезно повлияло на уровень интереса у старшего поколения к этой игре.

Многочасовые теннисные сражения, на уровне перворейтинговых ракеток мирового класса, регулярно транслируемые, напротив, с первого и до последнего мяча выбивали из домашнего быта и обихода двух «фанатов» – Волю и Риту, и к ним тогда не подступись – в трубке звучало: «Мы смотрим теннис». Азартное увлечение объяснялось очень просто: это игра для умных, понимающих и интеллектуальных зрителей, увлекавшихся со студенческой скамьи игрой в теннис. Я коснулся этой увлеченности, но меня не оставляет огромной силы сожаление, сколь много интересного мог сказать сам Волик на эту тему, доведись ему написать об этом.

Появление в доме Коронкевичей на улице Обдорской, 35, двух дипломированных по физической культуре и спорту выпускников знаменитого института им. П. Ф. Лесгафта стократ умножило интерес ко всему, что связано с физкультурой и спортом. Обширная информация о соревнованиях, личностях и судьбах многих спортсменов, околоспортивные подробности, которые в советское время были строго подцензурны и дозированы, регулярно прочитываемый «Советский спорт», горячие обсуждения результатов и достижений в различных видах спорта, посещение соревнований при первой возможности – все это и другое, не перечисленное здесь, отныне и навсегда стало сутью и содержанием неослабевающего интереса.

Как сейчас, помню мгновение знакомства летом 1948 года на высоком крыльце дома на Обдорской, когда навстречу вышли два молодых веселых и энергичных человека, мгновенно расположившие нас к себе на долгие годы. Один из них – высокий, худой, рыжеватый, с удивительно приветливой улыбкой – Михаил Самойлович Майзлин, и второй – крепкий, среднего роста, с нарочито сдержанной манерой человека, знающего себе цену, и с глазами, искрящимися задором, – Алексей Васильевич Иванов – муж Галины Петровны, родной сестры Волика.

Однокашники по институту тогда еще не знали, что покинули Ленинград навсегда по обстоятельствам, о которых рассказано в замечательной книге М. Майзлина «Однажды и навсегда». Рекомендую ее прочесть, она интересного содержания и крайне полезна для молодежи и любителей спорта. Но им было всего по двадцать с небольшим, сил молодецких избыток, желаний реализовать себя как спортсменов и дипломированных специалистов – не занимать, «а потому – вперед».

Михаил Самойлович в свои 23 года начнет высокий старт и, не сойдя с дистанции, в течение многих новосибирских десятилетий весь свой талант крупного организатора вложит в дело повышения уровня мастерства сибирских спортсменов и подготовку высококвалифицированных кадров – специалистов по разным видам спорта. Параллельно с ним, но по другой дорожке устремится Алексей Васильевич, начав стайерский бег, по ходу которого в отстающих никогда не значился. По возвращении в Новосибирск после учебы ленинградским чемпионом по лыжным гонкам и легкой атлетике, в беге на пять и десять километров, много работал и преуспел в становлении и развитии в городе отдельных видов спорта, а также в подготовке учеников – спортсменов высокого уровня. К тому же – неповторимый наш «сибирский Синявский»!

Сидячий образ жизни инженерной и научной деятельности настоятельно диктовал нам необходимость движения для дряхлеющих тел и конечностей. В этих целях было положено начало еженедельным лыжным прогулкам на различные дистанции, которые определялись каждый раз, исходя из множества факторов. В результате этой увлеченности квартире в Академгородке на десятилетия добавился статус «лыжной спортивной базы». Здесь хранился весь необходимый инвентарь, обувь, одежда, крепления, мази, а прямо от двери подъезда зачастую начиналась и сама трасса «скоростной гонки». Занятия ходьбой на лыжах, укрепляя

нашу «грудь и плечь», вселяли порцию энергии, заряда которой аккурат хватало до следующей лыжной вылазки.

Окрестности по трассе лыжни заснеженные, залесенные или открытые ветру пространства, подъемы и спуски, встречи с зайцами и глухарями, удивительная тишина леса и свежий ветер на водоразделе, это осталось навсегда в памяти как счастливо прожитые часы. Походы с годами по времени и по дистанции как-то начали скукоживаться, хотя объективных причин к этому еще не было, а бег по лыжне верно служил укреплению здоровья, подтверждением этого было хорошее самочувствие, полное отсутствие «ахов и вздохов» по причине недомогания. С дистанции мы сошли бодрыми и здоровыми, но к нашему большому сожалению, безусловно преждевременно, что опосредованно привело к впоследствии нагрянувшим хворям.

Послепрогулочный обед на легендарной кухне Коронкевичей был незабываем, полон разноблюдья, эта, особо посещаемая часть жилища, на своем веку повидала и наслушалась такого, что будь она предметом одушевленным и памятливым, рассказала бы изумленному слушателю несметное количество умного и содержательного, а равно и всяческого, в том числе преобладающего веселого трепа – о том, о сем, о жизни, людях, событиях и всем прочем, что, как правило, говорилось в то время на кухнях интеллигентов советского и постсоветского разлива. А после обеда полудрема на диване, с остатками беседы, прерываемой краткосрочной отключкой сознания и краткосонного просмотра пейзажей только что закончившейся замечательной зимней прогулки. Полное впадение в «кайф».

Проходили одна за другой сибирские зимы, менялся километраж дистанций, но мы были верны своей спортивной затее. Ритуал пробежки зимней каждый раз варьировался, а любимая стартовая фраза – заявка звучала четко: «Идем на десятку, а там посмотрим», правда, на исходе походов была уже «тройка».

Когда-то, лет этак пятнадцать назад, оставшийся неизвестным рифмоплет в той послеобеденной полудреме, что выше упоминалась, получив толчок от Пегаса, накропал: «Склонился вновь дремучий лес под мощной шапкой снеговою, бежим – захватывает дух, резвимся на лыжне с тобою. Что впереди? Еще не знаем и знать сегодня не хотим, в стремленье убежать от края давай, дружище, поспешим. И разрывая тишину, царит в лесу восторга крик: “что нам пятерка иль десятка, по ней промчимся в один миг!”, ведь лыжи Фишера – не фиг!».

Но, окончательно прервав приятную зимнюю сиесту, оба «гонщика», проанализировав нахлынувшие вирши, которые посчитали знаковым явлением в мировой поэзии, уточнили только одно по тексту обстоятельство. В.П. и Э.И. никогда не имели и не ходили на лыжах фирмы «Фишер», достигая выдающихся результатов на отечественном «дереве».

В число зимних видов спорта, представлявших огромный болельщицкий интерес, входили: лыжные чемпионаты по гонкам и, конечно же, биатлон, особо отслеживались успехи и достижения лично хорошо знакомых нам олимпийских чемпионов и обладателей всех высших спортивных званий и наград: Александра Тихонова и Виктора Маматова. По ходу всех знаменитых гонок устанавливалась непрерывная телефонная связь с взаимными комментариями радостного или драматического характера развития событий.

Завершая разговор о «физкультпривете», необходимо отметить, что игровые виды спорта (баскетбол и волейбол и все, что связано с этими играми) были тоже в центре знакового внимания и интереса.

8. Культпривет

В 1932 году открыл первый театральный сезон драматический театр «Красный факел», который после десятилетних скитаний по стране Советской обрел постоянное пристанище в нашем славном городе. Окончательно сформировался и довоенный городской центр основных культурно-просветительских учреждений. В него входили: кинотеатр «Октябрь» (ныне «Победа»), клуб им. Сталина (ныне клуб «Октябрьской революции»), в котором в те времена располагалась Новосибирская филармония, областная библиотека, Театр юного зрителя, впоследствии театр кукол, а потом кинотеатр «Пионер», и кинотеатр им. Маяковского и Дом Ленина, в последующем на многие годы ТЮЗ. И, конечно же, Цирк завершал культурно-просветительскую застройку. Мрачный, деревянный, серый цирк – сарай с куполом, находившийся на нынешней площади им. Кондратюка, напротив Федоровских бань, в окружении шалмана деревянных хибар, киосков, ларьков; впоследствии дотла сгоревший,

а затем новый шапито – красочный брезентовый шатер, на смежном с ДК им. Сталина земельном участке (сегодня на пересечении пр. Димитрова и ул. Ленина).

С постройкой нового ж.д. путепровода, гостиницы «Сибирь», претенциозных офисных комплексов «Кобра» и «Манхеттен» ничто не напоминает ныне о канувшем в лету любимом детворой цирковом балагане, в котором счастьем было увидеть основателя династии Дуровых Ю. Дурова, дрессировщика Гладильщикова и его зверей, великого Карандаша и других циркачей, любимцев детей и их родителей.

Театр оперы и балета, самый знаменитый дворец оперного и балетного искусства за Уралом, в предвоенное время был самым огромным по объему строением – долгостроем. Пересажав, а затем уничтожив уйму лучших проектировщиков и строителей, скудно финансируя стройку в годы войны по понятным причинам, власти предержащие, тем не менее, ввели его в строй в самом конце войны.

Спустя десятилетия своих многочисленных иностранных и отечественных гостей-ученых, включая и космонавтов, посещавших Академгородок, Волик непременно будет знакомить с театральной жизнью главных культучреждений города и в качестве высококвалифицированного гида собирать в свой адрес справедливую и искреннюю благодарность гостей.

Но задолго до этого времени, в далекие военные годы, наше «Обдорское» сообщество при первой возможности оплатить вход, а также по счастливому случаю добыть необходимый билет посещало учреждения культуры всех жанров с великим удовольствием. Постепенно зрелища формировали наши увлечения многими жанрами, из которых особо привлекательным стало драматическое театральное искусство. В начале этого неизбывного интереса посчастливилось познакомиться с Зиновием Яковлевичем Корогодским (Зяма с Первомайки), ставшим для нас после знакомства главным «культуртрегером», который сумел ненавязчиво привить любовь к театру, а посвятив школьников в азы актерского творчества, организовал и бессменно руководил драмкружком, обосновавшимся в старом здании школы 22, которая находилась в то время на улице Советской.

Ясно вспоминается, что кружку покровительствовала директор школы, замечательный педагог и воспитатель, незабвенная Любовь Васильевна Днепровская. Репертуар кружка составляли отрывки из пьес русских классиков, в основном Островского, а также остросюжетные сценки и скетчи, высмеивающие бездарных и придурковатых фрицев и их фюрера, то и дело попадавших в глупейшие жизненные военные обстоятельства.

В тыловой Новосибирск в военное время «высадился» такой десант служителей искусства, что его с лихвой хватало на весь Западно-Сибирский край. Основную скрипку играли ленинградские театры: оперетта, филармония, эстрада, знаменитые музыкальные коллективы и гастролеры, гастролеры, гастролеры. Все это зафиксировано историками города, поэтому – только короткие фрагменты:

• Александринский театр и прогуливающиеся по Красному проспекту его знаменитые актеры, среди которых самый импозантный, вальяжный, великий Юрий Юрьев, легко поигрывающий великолепной тростью, украшенной серебряным набалдашником.

• В стареньком здании оперетты, которое одиноко стояло в Центральном парке, конечно имени «Вождя», играли свои незабываемые яркие спектакли коллективы Московской и Свердловской оперетт. Фейерверк необычайной, невиданной и несбыточной красоты и веселья обрушивался на молодые наивные головы провинциалов и так контрастировал со всем тем, что окружало нас в повседневном укладе военного быта, что головы шли кругом. При каждом представившемся случае оперетта посещалась, и нам в ней нравилось все: легкий веселый текст, музыка великих маэстро, экзотика костюмов и декораций и, конечно же, великие юмористы Владиславлев, Ярон и другие, а особое восхищение, явственно предпочтительнее многому, – это красотки-актрисы, ослепительнее юпитеров сценической рампы. Луч света в темном военном лихолетье.

• Павел Кадочников, окруженный толпой почитателей, собравшейся после спектакля у дома Ленина, и дающий автографы. Будущий популярный артист театра и кино, молодой высокий красавец был кумиром многих, особенно девушек, уже в те времена.

В годы войны по городскому радио с неизменным успехом транслировалась радиопередача, имевшая огромный успех у горожан, – называлась она «Огонь по врагу». По содержанию это был большой цикл сатирического содержания с музыкальным сопровождением вышеупомянутого И. И. Маланина. Тема неизменна – в острой гротесковой форме, весело и задорно высмеивание врагов – фашистов, глупых и придурковатых. Остроумный и веселый

текст сопровождался песенками – частушками, которые затем народ распевал с большим энтузиазмом.

Вели эту радиопередачу народные артисты СССР Борисов и Адашевский. Однажды, вероятно это было лето сорок третьего, они приехали с фрагментами популярной программы на летнюю детскую площадку в саду Кирова, который в те годы находился в Октябрьском районе. Детская площадка являлась подшефной для нашей «станции», и мы там все лето работали радистами-киномеханиками.

После выступления перед детишками, которые, в том числе и мы, восторженно смотрели и слушали этих замечательных актеров, мы предложили им вместо гонорара отобедать. До сих пор помню этих искрящихся юмором, тогда еще молодых будущих знаменитостей, с большим аппетитом выкушавших по столовой тарелке рисовой каши, запиваемой кофесуфле из американского порошка, и горячо благодаривших при расставании за «харчи».

Большой интерес представлял для нас репертуар филармонии. Кто только там ни выступал: джаз Утесова и Эдди Рознера, постоянно – оркестр легкой музыки под управлением Кнушевицкого, мэтры конферанса: Смирнов-Сокольский, Михаил Гаркави, Бен-Бенцианов, Борис Хенкин; владыки художественного слова Ираклий Андроников и Иван Иванович Соллертинский; молодой Аркадий Райкин, великий Вольф Мессинг и многие, многие другие.

Вспоминая об исторических талантах, мы с Волей всегда говорили с большой теплотой и одновременно сетовали, что, наверно, никогда в городе не будет такого одновременного средоточия артистов, поддерживавших своими выступлениями горожан в тяжелые военные годы зачастую непосильного труда.

Времени, в связи с работой и учебой, катастрофически не хватало. Постоянно и остро ощущалось полуголодное существование; одеться и обуться во что-то более или менее приличное возможным не представлялось; «финансы пели романсы». Но молодость брала свое, и всеми правдами и неправдами, не стесняясь затрапезного вида и вопреки всему, регулярно посещались спектакли, концерты, представления, сплошной непрекращающейся чередой идущие на сценах театров, клубов, филармонии.

Да, так это было и осталось в личных воспоминаниях, к которым мы с другом часто обращались, но, к сожалению, свидетелей того времени все меньше и меньше.

А в голове сидел рефрен Петра Лещенко, который намного раньше описываемого времени и при других обстоятельствах когда-то пел: «Все прошло, все промчалось в неоглядную даль, ничего не осталось, лишь тоска да печаль». И смешно было нам, что в молодости это далеко не мажорное утверждение распевалось нами во весь голос в третьем десятилетии молодой жизни.

Отдельное слово о драматическом театре «Красный факел», который в нашем увлечении театральным искусством слыл одним из самых культовых. Его посещения начались еще в далекие годы молодости родителей, когда мы с превеликой радостью и желанием ходили на спектакли для детей или случалась возможность попасть на вечерний спектакль. Правда, в то время существовали жесткие правила, считавшие, что дите – это до 16 лет, и пускать его ввечеру в театральную залу никак невозможно. В этих случаях родителям приходилось хитрить, используя нижеописываемый прием, благо ему способствовало стадное поведение, которое странным образом одолевало послереволюционного советского зрителя и заключавшееся в том, что на входе и выходе из культучреждения надо было толкаться и пихаться в толпе, явившейся в театр или кино, когда звонки, возвещавшие начало действа, были сродни тревожному набату.

Так вот, зажатый между родителями шкет, невидимый сверху контролеру-билетеру, преодолев проем входной двери, ведущей в фойе, для «удобства и бдительности» наполовину закрытый, что давку усугубляло, мгновенно терялся в толпе, бегущей к гардеробу и становился невидимкой. В случаях же, когда контролер был особо опытен и прозорлив и начинал вопить: «Чей это мальчик?», мальчик оказывался ничей, а пост покинуть и пуститься в погоню было невозможно – толпа, жаждавшая зрелищ, яростно напирала.

«Феномен» театра «Красный факел» постоянно был в центре нашего внимания, когда речь заходила о драматическом искусстве. Деятельность театра рассматривалась всесторонне, но в этом повествовании лишь об одном. Крепкая, неразрывная, никогда ничем не омрачаемая дружба с его замечательными актерами, нашими беззаветными и любимыми друзьями.

Начнем с Киры Ивановны Орловой и Игоря Михайловича Попкова. Для семьи Коронкевичей, Ельских, равно как и всего круга наших друзей, гостеприимный дом глубоко почитаемых любимых артистов многие лета распахивал свои двери, а каждая встреча в нем превращалась в праздник души, неподдельного веселья, уймы радости, взаимного общения и сладостного чревоугодия, сопровождаемого известно чем. Так продолжалось годы и годы, пока не оборвалась их жизнь.

Навсегда стало веселым курьезом крылатое выражение Киры, вызывавшее наш взрыв смеха при каждом его воспоминании. Объясняя своим театральным коллегам о значительности и высоком служебном положении окружающих ее семью друзей с техническим образованием, она каждый раз с неподдельным пафосом восклицала: «Кто, кто?! Да это настоящие старшие инженеры!». В ее устах это была высшая должностная ступень научной деятельности.

Благодаря Кире и Игорю нам посчастливилось познакомиться и подружиться с великолепной и именитой артистической четой – народной артисткой Советского Союза Анной Яковлевной Покидченко и заслуженным деятелем искусств, режиссером и художественным руководителем театров «Красный Факел», «Старый дом» и «Левый берег», в разные годы его долголетнего творческого горения, Семеном Семеновичем Иоаниди. Они были звездами первой величины в нашем дружеском кругу. Органично войдя в труппу «Красного Факела», Анна Яковлевна с тех давних пор и по сей день пользуется огромным авторитетом и любовью зрителей, которые десятилетиями, с ожидаемым ярким впечатлением и волнением от ее игры, спешат на спектакли, в которых она принимает участие. От роли к роли радует театралов неувядающий талант, данный Богом этой утонченной хрупкой женщине. А для друзей Анна – задушевная хозяйка, яростно – весело встречающая гостей у порога дома, где уже приготовлены отменные яства, традиционный кролик и глинтвейн.

На юбилее А.М. Краснопольского (в центре). Крайняя справа - народная артистка СССР А.Я. Покидченко.

Казалось бы, совсем недавно, а прошло более десяти лет, как от нас безвременно ушел Сеня. По жизни не так уж много приходилось встречать настоящих интеллигентных людей широкого кругозора и притягательного обаяния. Встречи и беседы с ним всегда отличались огромным интересом, новыми, иногда неожиданными оценками драматургии, режиссуры или воплощения образов актерской братией. Постановщик многих спектаклей, неуемный организатор театральных коллективов, обладатель собственного, до конца не реализованного актерского таланта, таким нам с Волей запомнился этот замечательный человек.

Театральная жизнь всегда была в поле внимания Воли, она его интересовала, трогала, даже заботила, требовала общения с друзьями-артистами и непременного желания обязательно знакомить заезжих зарубежных или отечественных гостей, включая космонавтов, с постановками Оперного и «Сибирского МХАТа».

В нашем друге исподволь жил несостоявшийся артист, о чем свидетельствовал автобиографический факт его поступления в молодости в театральный вуз. Желанию увидеть в театре как можно больше знатных представителей любого жанра способствовало то, что он обладал редкой способностью добывать результативно «лишний билетик», невзирая на количество конкурентов, жаждущих того же самого. Его интеллектуальный «нюх» и личное обаяние, в подавляющем числе случаев, иногда за считанные минуты до начала зрелищ, делали свое дело, результат достигнут, а законные зрительские права обретены. В хронике подобных событий эксклюзивное место занимает «исторический» случай, имевший место где-то в середине семидесятых.

Анне Покидченко и Волику случилось одновременно, одним рейсом лететь в Москву, каждому по своей надобности. По схождении с трапа выяснилось, что исчез Аннушкин чемодан. Тряхнув, кого следует из сотрудников Аэропорта, Волик чемодан разыскал и командированные разошлись по своим делам, предварительно сговорившись посетить «Ленком». Уже в те времена этот театр отличался извечным аншлагом, а атака на толпу перекупщиков или обладателей лишнего билетика не давала зачастую необходимого результата. Что делать? Пришлось обратиться к дежурному администратору, крепкому орешку, повидавшему на своем веку и не таких просителей. Но не тут-то было! Сконцентрировав всю внутреннюю энергетику, наш экстрасенс, телепат и как там дальше сумел внушить, заинтересовать и убедить театрального стража, что не к лицу ведущему столичному театру захлопнуть дверь перед приезжей театральной знаменитостью, носящей в СССР самое высокое творческое звание. Лед тронулся, гостей провели в зал, усадили в партере, просмотр спектакля состоялся. Этот казус вспоминался при многих домашних встречах, с годами обрастал все новыми веселыми подробностями. Волик умел находить выход из многих подобных тупиковых ситуаций, которые так часто встречаются на тернистом пути походов за культурными ценностями.

Из всего многообразия послевоенной эстрады выше всего почиталось искусство бардов. После знаменитого исторического выступления Александра Галича в Академгородке, знакомства с песнями Окуджавы, Визбора, Кима, Кукина и других мы стали последовательными поклонниками этого песенного жанра. С магнитофонных лент самиздатовского происхождения, которые раздобыл Воля, на нас обрушилось неслыханное стихотворно-песенное действо. Художественные откровения и доверительность мыслей и чувств, адресованная к советскому зажатому «совку», не могла не вызывать чувства восхищения и необычного свободолюбия, потаенно самосохраняемого в условиях известного режима строителей коммунизма. Гостевая песня Булата Окуджавы «Виноградная косточка» отныне и навсегда утвердилась в качестве застольного гимна дружеской компании.

Нашему поколению крупно повезло, что в числе современников оказался Владимир Высоцкий, и мы были очевидцами эпохального полузапретного и затираемого всякой идеологической сволочью триумфального шествия его стихов и песен по просторам отечества. Но не просто свидетелями, а почитателями и «распевателями» очередной замечательной новинки.

Песни неподражаемого великого Александра Николаевича Вертинского довелось нам, восьмиклассникам, услышать впервые в семиметровой каморке на ул. Бурлинской у приятельницы Вилены. Доверительно сообщенное имя артиста – певца мало что говорило, кроме того, что оно крайне запретное, а прослушивание репертуара требует полной конспиративности и неразглашения события еще и потому, что Виля была дочерью репрессированного «врага народа». Такие были времена.

Но вот чудом сохранившаяся при обыске и аресте хозяина грампластинка зарубежного издания поставлена на диск патефона, и голос певца, который нельзя спутать, если бы даже захотелось, с невыразимой грустью стал утверждать, что «Ваши пальцы пахнут ладаном». Пройдут годы, маэстро вернется на Родину, станет легальным исполнителем, доведется воочию побывать на его концертах, смотреть фильмы с его участием, а мы с той дальней премьеры останемся навсегда в числе его горячих поклонников. Давно нет на свете Александра Николаевича, но есть, слава богу, прекрасная телепрограмма «Романтика романса» с великолепной Казарновской, которая часто обращается к творческому наследию поэта, музыканта и исполнителя, и молодые певцы, обладатели прекрасных голосов, продлевают

творческую жизнь неподражаемых сочинений. В свой последний юбилей 2007 года мой друг преподнес мне бесценный подарок. Прекрасно изданный иллюстрированный фолиант о жизни и творчестве А. Н. Вертинского постоянно напоминает о совместном увлечении незамысловатыми, но привлекательными песенками, звучащими и сегодня.

Однако главным делом своей жизни Воля считал чтение книг, под влиянием которых формировались его мировоззренческие взгляды со времени далекого детства до последних дней. Для любимого занятия всегда находилось время и место, так же как и для походов к книготорговцам научной, технической или художественной литературой. Особый дар и обширные знания позволяли в море напечатанного выбрать интересующие новинки, которые незамедлительно покупались и прочитывались, а книголюб срочно выходил на связь, горя нетерпением сообщить о ценном приобретении. Нормой поведения было обстоятельное обсуждение книги, обмен мнениями, сопоставление впечатлений, заключение и приговор: «читать – не читать!».

Систему своих взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношения людей к окружающей их действительности и самим себе, кроме всего прочего, он явно формировал в соответствии с отдельными положениями прочитанного, тщательно отбирая в личный багаж знаний все то, что принимали его эрудиция и интеллект.

В последние годы ежедневное внимание было привлечено к бездонному рынку публицистики, в котором главным для себя приоритетом Воля определял журналы и газеты оппозиционных направленностей.

Сфера духовной жизни была мощной опорой интеллекта друга, помогая ему совершенствовать знания, умения, навыки, способы и формы общения с людьми, исключающие малейшую возможность появления либо проявления острых негативных тенденций, тем и славен был «абориген Обдорских улиц».

9. Закадычные

Отталкиваясь от общеизвестной истины «Скажи мне, кто твои друзья...», память высвечивает множество людей, с которыми Воля поддерживал отношения, но сейчас расскажу крайне коротко о самых-самых.

Одноклассник по 50-й школе Юрий Васильевич Лемеш. Яркий харизматичный человек, блестящий инженер-железнодорожник, поднявшийся по карьерной лестнице до вершин управления движением всех магистралей Союза, пожизненный верный и надежный друг и товарищ, рано ушедший из жизни.

Юрий Александрович Кузнецов, одноклассник по учебе в 41-й школе, по воле судьбы впоследствии оказавшийся коллегой по работе в Институте автоматики и электрометрии СО АН. Он запомнился нам навсегда как человек исключительного добродушия, приветливости, бескорыстного желания прийти на помощь в случае необходимости и верности дружеским отношениям.

Виталий Витальевич Скок, тоже одноклассник по 41-й школе, известный в городе спортивный фотокорреспондент, журналист «Вечернего Новосибирска», обозреватель различных соревнований, регулярно поставлявший Волику эксклюзивную информацию, зная о большом интересе друга ко всему, что связано со спортивной жизнью.

Сила человеческих отношений, если они настоящие и добрые, с годами не меркнет. Доказательством этому для нас оказался случай с еще одним одноклассником Женей Шурыгиным. Кряжистый юноша с грубоватыми чертами лица и постоянной серьезностью, тем не менее, слыл среди драмкружковцев школы № 22 признанным премьером. Именно ему Корогодский (Зяма) доверял исполнение главных ролей в полной уверенности, что задумка режиссерская будет реализована, а актерский ансамбль порадует зрителя. С тех пор утекло много воды.

Однажды летом в начале семидесятых, наш общий незабвенный друг Али Алиджанов гостил в доме Коронкевичей, куда одновременно нагрянул Зяма, приехавший в родной город по театральным делам. После хорошо и интересно проведенного времени наступила пора возвращаться: Али – в центр города, Зяме – на «Первомайку». Проголосовав, взяли такси, а разместившись на заднем сиденье, продолжили начатый у Коронкевичей разговор о том, о сем, в том числе и о деталях знакомства Воли и Зямы в далеком прошлом, о которых Али, приехавший в Новосибирск в пятидесятых, никак не был осведомлен.

Лето 1996 года на даче Ельского - 52 года дружбы (Э. И. Ельский, В. П. Коронкевич, Ю. А. Кузнецов).

Водителю такси, в силу громогласности беседующих, разговор был слышен, и он внезапно вмешался в него. В полголовы обращаясь к Зяме, сказал: «А я Вас знаю, мы в свое время были близко знакомы». Надо знать Зяму, который, мгновенно пораженный сказанным, вскричал: «А ты кто?» и, услышав в ответ: «А я Женя Шурыгин», немедленно приказал остановить машину. Притормозив на обочине и выскочив из машины, два мужика приличного возраста бросились в крепкие объятия и, сильно тиская друг друга, заплакали скупой мужской слезой. Плакал широко известный мэтр театрального искусства, достигший к тому времени международного и отечественного признания, и никому неизвестный шофер такси – самородок, когда-то подававший большие надежды; и сладко и горько им было от нахлынувших воспоминаний.

Среди сокурсников по институту я знал Евгения Домбровского, разделявшего с Волей комнату в общаге ЛИТМО. По окончании института он некоторое время работал в Новосибирске, а затем навсегда переехал в Эстонию, состоялся как главный специалист по «КИП и автоматике» крупного химического комбината. Несмотря на значительное расстояние, разделявшее их, дружеские отношения поддерживались многие годы, а в периоды наездов Воли в Прибалтику организовывались совместные путешествия, о которых Воля рассказывал в превосходных тонах.

Борис Исаакович Быховский, крупный советский инженер пятидесятых, талантливый организатор производства на заводе Ленина, по своему профессионализму и мировоззрениям как никто другой подходил Воле в качестве задушевного друга. Об их взаимоотношениях можно писать бесконечно, но здесь я отмечу только два обстоятельства. Знакомство, состоявшееся на заводе на профессиональной основе, столь радовавшее молодых инженеров тождественностью взглядов на многие инженерные решения, очень быстро переросло в постоянные семейные отношения. Для мамы Бориса, его дочери Оли и внучки Кати были всегда радостны и интересны встречи с этим искренним другом семьи. А семья Коронкевичей на дружбу отзывалась адекватно.

Прошли годы, возраст брал свое, промелькнувшие непростые жизненные коллизии начали выходить хворями, тематика ежедневного телефонного звонка между друзьями все больше и больше посвящалась обоюдной заботе о самочувствии, формам и приемам лекарственной поддержки.

Как говорится, на расстоянии «протянутой руки» посчастливилось поработать Воле с выдающимся ученым Виктором Сергеевичем Соболевым. Именно он, из всех коллег по институту, окажется в числе самых закадычных друзей. Оба завлабы, доктора наук, авторитеты в своих научных направлениях, люди широких взглядов и осведомленности, они всегда на-

ходили, что сказать друг другу. Семья Соболевых, с энергичной Екатериной Дмитриевной, прочно и навсегда стала той семейной парой, с которой Коронкевичи, да и мы, встречали праздники, отмечали дни рождения, другие знаменательные даты, по молодости совершали совместные вылазки на природу или лыжные прогулки, и всегда существовала взаимная озабоченность при наступлении непростых жизненных обстоятельств.

В шаговой доступности от квартиры Воли проживал его большой друг-приятель Владимир Зиновьевич Коган-Виноградов. Именно с ним, учитывая преимущество короткой дистанции, сверхсрочно обсуждалась и скрупулезно анализировалась информация: политического, социального, гуманитарного и иного толка, которую они считали необходимой и обсудить, и высказаться от переполнявших чувств. Доктор гуманитарных наук, заведующий кафедрой социологии, ученый с энциклопедическими знаниями, был незаменимым собеседником, имевшим всегда свой взгляд и трактовку. Обсуждение информации и диалог шли ярко, с неизменным юмористическим комментарием, в большинстве случаев сопровождаемым новейшим и подходящим анекдотом. В этом жанре оба по праву много лет ценились близким «народом» как непревзойденные знатоки и юморные рассказчики.

Крепкую и нерушимую дружбу водил Воля с академиком Марком Борисовичем Штарком. Много общих интересов связывало их и требовало перманентного общения.

В последние годы пошатнувшееся здоровье настоятельно требовало поиска действенных методов, способов, лекарств, режимов поведения, и тут всегда следовало обращение к Марку Борисовичу за необходимой помощью. По моему глубокому убеждению свидетеля и очевидца, «патронаж» Марка Борисовича, срочный и результативный, позволял справиться с возникшей проблемой хотя бы на время, даже в том случае, когда положение начинало казаться безвыходным. Да и в годы молодости и зрелости их взаимная выручка в непростых жизненных ситуациях считалась для них нормой и святой обязанностью подставить вовремя плечо.

Давным-давно, благодаря Воле мне повезло познакомиться с Азарием Итигиным и Феликсом Матвеенковым и очень часто слушать восторженные отзывы друга о своих верных товарищах, близких сердцу приятелях. Постоянное общение было следствием ощущения необходимости встреч и обоюдного желания обсудить, иногда разрешить ту или иную проблему либо жизненную ситуацию, а то и просто пообщаться по зову души. Образованные, интеллигентные собеседники в силу широкой осведомленности взаимно обогащались многим и с нетерпением ждали продолжения диалога. К счастью, сегодня имеется возможность послушать от них самих воспоминания об ушедшем друге.

Судьба не подарила Воле родного брата, зато фортуна исправила эту ошибку, в далекой туманной юности щедро одарив знакомством с Михаилом Самойловичем Майзлиным. По совместной житейской тропе, протяженностью в годы и годы, они прошагали как братья, бережно хранящие родство душ и никогда и ничем не омрачаемую привязанность.

В данном случае моих комментариев не требуется, Михаил Самойлович, дай Бог ему здоровья, сам распорядится воспоминаниями.

Пусть простят меня те, кого я не упомянул, в этом не было никакого умысла. Тем славен и силен был Вольдемар Коронкевич, что умел выбирать себе друзей, и они благодарно платили ему взаимностью.

10. Напоследок

Врожденная любознательность, но отнюдь не праздное любопытство, в сочетании со светлым умом, позволяли Волику многое пропускать через себя, а отобранным и значимым щедро делиться с окружающими. По возвращении из зарубежных поездок или вояжа по просторам Родины, он много и охотно рассказывал о своих впечатлениях. Рассказ, как правило, был весьма доходчивым, красочным, а комментарии крайне интересны. Нельзя забывать, что детство, юность, молодость и зрелость нашего поколения пришлись на годы коммунистической идеологии, ретиво охранявшейся «железным занавесом» и информационным «голодом». Хорош был эрудированный рассказчик, внимательны и благодарны слушатели. Справедливости ради необходимо отметить, что, трудоголик по определению, Воля нечасто позволял себе роскошь дальних путешествий, ограничиваясь при этом кратковременными выездами на базу отдыха, что на берегу Обского моря, где среди отдыхающих коллег слыл не последним «затейником» веселого времяпрепровождения.

Гостеприимный и хлебосольный дом Коронкевичей был предметом его и Маргариты неустанной заботы. Это касалось достойного содержания и оформления, пополнения вкуснятиной для гурманов, но, главное, неизменной поддержкой атмосферы благодарности и внимания к ожидаемым с нетерпением гостям. Заглянувший на огонек гость немедленно препровождался на кухню, которая неизменно служила стартовой площадкой для последующих собеседований и самовыражений, сопровождаемых при этом отменным закусоном и умеренными порциями алкогольного пития. Неожиданно зарекомендовавший себя в последние годы как «маркетолог», Воля оставил для нас шутейное следование и «пристрастие» к «Горилке на меду», водочке на «Березовых бруньках» и, конечно же, к любым вариантам «Полтины». С ними и поминаем покинувшего нас друга.

Далеко позади осталось время Золотой свадьбы, разрастается семья – династия Коронкевичей, выросли и состоялись людьми достойными их сыновья, связавшие свои жизни с верными женами, уже и внуки, получившие высшее образование, трудятся на житейской ниве, а вслед за ними делают первые шаги правнуки. Это самое лучшее, что оставил Воля после своего ухода, а благодарные потомки, я абсолютно уверен, будут помнить и чтить своего замечательного отца, деда и прадеда.

Воля прожил хорошую, достойную жизнь, прошагал по ней благополучно, не гонялся за обилием денег, не стремился к высоте должностного положения и обретению силы власти, потому и был свободен от печали, умерен в чувствах и душевном спокойствии. При этом, особенно в последние годы, мудро руководствовался известной истиной, что удовольствия кончаются раньше, чем жизнь, а поэтому надо до конца занимать себя делом и радоваться каждой отпущенной минуте.

Но тело «мешало» все больше и больше. Некогда абсолютно здоровый организм, несколько десятилетий назад подвергся атаке энцефалитного клеща. Заболевание проходило тяжело, выжить помогли гены, но, по всей видимости, случились потаенные осложнения, которые долгие годы себя никак не проявляли. Самочувствие Воли и образ жизни свидетельствовали о нормальном функционировании организма, который не подавал сколько-нибудь серьезных сигналов о неблагополучии.

Прошли годы и случилось то, что случилось, а затем, постоянно по теме возвращаясь, обсуждалось и анализировалось. Неудачно проведенная операция в больнице по ул. Пирогова, которая в конце жизни окажется последним пристанищем, была началом серии осложнений и сопутствующих хворей, не наблюдавшихся ранее и все более усугублявшихся со временем.

Мужественно сражаясь с недугами, готовый встретить очередной симптом нездоровья продуманной системой противодействия, основанной на квалифицированном выборе методик, методов и способов лечения, постоянно уточняя при этом рекомендации по приему лекарственных средств, он мужественно сражался. Крепкий «орешек», в своей борьбе за здоровое продолжение жизни, к счастью, был обеспечен домашней «скорой помощью».

Родной племянник, Миша Иванов, доктор от Бога, на все обращения дяди реагировал незамедлительно, не считаясь со временем и некоторой территориальной разобщенностью. В любое время суток высококвалифицированный «патронаж» помогал либо утишить терзающие тело боли и понизить пик страданий, либо, в крайнем случае, морально поддержать советом, дающим надежду на улучшение состояния здоровья, которым дядя пользовался и никогда не пренебрегал.

Но пора заканчивать «эпохальное» литературное произведение, неизвестно к какому жанру относящееся, а может быть, такого жанра и не существует?

Многое из совместно пережитого с другом Волей осталось за пределами изложения, но эта робкая попытка живописать некоторые события, прочно удержанные памятью, надеюсь, заслужит снисходительного внимания, в первую очередь, у близких родственников и людей, хорошо знавших нашего благородного современника...

...В канун рожденья, в роковую ночь покинул нас стремительно, внезапно. Не в силах больше хвори одолевшие превозмочь, ушел туда, куда уходят безвозвратно.

Не обрету себя я ныне, с уходом друга своего, воспоминаний груз в унынье нести, поверьте, нелегко. Все жду звонка, что ежедневно общенье наше возвещал и краткой дружеской беседы сей был незыблем ритуал.

Тематика всегда была бесхитростно проста. Ну, как дела? Не пошатнулось ли здоровье? Какие политветры дуют в нашем и в ихнем забугорнейшем подворье?

Общенья стиль был выбран другом «телеграфно», коротка мысль, все актуально, интересно и понятно. Обзор серьезный «нецветной» печати, последний анекдот и слухов целый рой, но в заключение на предложение поездки в город – чеканно неизменно «я не выездной!».

Для стариков рецепт общения предельно прост. Звоночек, трубочка и вот вам «телефоно-мост». Бредите по нему не спотыкаясь, не спеша, пока в флюидах дружеской беседы не успокоится душа.

А «безлимитный» треп о том, о сем крепит былой энтузиазм, и всплывший сонм отчетливых воспоминаний подтверждает – еще не ведом старческий маразм.

Пишу, а сам кляну себя за то, зачем? Ну и кому все это нужно? Звонка от друга нет и никогда не будет. Сижу один в ночи, темно, тоскливо, грустно и натужно...

P.S. Недавно я услышал замечательный рефрен: «И ни о чем я прошлом не жалею, а только лишь о том, чему уже не быть». Мне представляется актуальным сказанное, и его можно смело адресовать нам, современникам Воли, которым давно наступило время «собирать камни».

Я благодарен судьбе, подарившей мне радость общения с Волей – верным другом-товарищем всей моей жизни.